

УДК 94"16"(470.61)

СЛУЖИЛЫЕ ТАТАРЫ И РАЗВЕДКА АСТРАХАНСКИХ ВОЕВОД В АЗОВЕ КОНЦА ТРИДЦАТЫХ – НАЧАЛА СОРОКОВЫХ ГОДОВ XVII в.*

© 2015 г. *Н.А. Мининков*

Часть служилых людей в Астрахани составляли татары и новокрещены. Они служили в городе и выполняли разные поручения астраханских воевод. Одной из важных задач местных воевод была доставка вестей в Москву. Русское правительство особенно интересовалось положением на Дону после взятия донскими казаками Азова в 1637 г. Для выяснения сведений на Дон посылали служилых людей из татар и новокрещен. Они жили в городках донских казаков, нередко у своих родственников, казаков-татар, и возвращались в Астрахань с известиями о положении на Дону и в Азове. Служилые татары и новокрещены сообщали важные для русских властей сведения. Они рассказывали о пребывании донских казаков в Азове и о порядках в городе, о решимости их оборонять город от турок, а также о желании части казаков пригласить на помощь русские войска. Они сообщали о больших потерях турок во время обороны Азова казаками в 1641 г. Эти сведения помогали русскому правительству лучше понимать положение на Дону во время пребывания войска Донского в Азове.

Ключевые слова: астраханские татары, воеводы, вести, донские казаки, оборона Азова.

На службе московских царей в XVI–XVII вв. находилось немалое количество татар. Фундаментальное исследование о Чингизидах в России XV–XVII вв. было проведено за последнее время А.В.Беляковым (Беляков). Относится оно к знатным представителям татарских родов, вливавшихся постепенно в ряды русской знати и прочно закреплявшейся в ней. Но на русской службе были за это время не только лица, представлявшие знатные татарские роды, но и множество людей, не относившихся к знати, которые входили в ряды служилых людей по прибору и состояли на службе в гарнизонах разных городов. Не случайно в документах XVII в. в этой связи даже сложилась весьма устойчивая клаузула: «служилые люди и служилые татары». Не удивительно, что особенно заметны «служилые татары», они были в гарнизонах городов Поволжья, где находилась территория компактного татарского и ногайского населения. В частности, много было служилых татар в Астрахани как в столице бывшего ханства и в крупнейшем приграничном и административном центре на юго-восточном рубеже России. Осведомленный и наблюдательный современник, немецкий ученый А.Олеарий отмечал, что местные татары не имели права селиться в самом городе. Но они проживали совсем близко от него, «в определенных местах за городом» (Олеарий, 2003, с.347). Они выполняли разные поручения, в том числе разведывательного характера, которые давались местной воеводской властью по вопросам, интересующим ее и московское правительство. Одним из таких вопросов, вызывавших большой интерес в Астрахани и в Москве, было положение на Дону. В том числе это относилось к периоду, когда войска Донское в 1637–1642 гг. пребывало в Азове.

Сведения о нахождении астраханских служилых татар в войска Донском и о результатах их разведывательной деятельности содержатся среди материалов фонда 127 (Ногайские дела) РГАДА, в котором за каждый год имелись довольно обширные отчеты астраханских и терских воевод, направлявшихся в Посольский приказ. Главным образом это были сведения, касавшиеся ногаев, но, помимо этого, в свои отчеты воеводы включали и другие сведения, в том числе относившиеся к окрестным территориям, в частности, к Дону и донскому казачеству. Вообще получение известий с последующей доставкой их в Москву составляло одну из наиболее важных обязанностей, лежавших на воеводских властях в русских городах, и особенно в приграничных городах. Такая обязанность лежала не в последнюю очередь на астраханских воеводах, находившихся в крупнейшем центре юга Российского государства, через который осуществлялись самые тесные связи с татарами и ногаями, а также с калмыками и с Северным Дагестаном. Тем более относилось это к вестям с Дона, а особенно со времени овладения войска Донским турецким Азовом. Это обстоятельство оказывалось особенно значимым для московского правительства, поскольку успех донских казаков

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 13-01-00173 «Южные границы России второй половины XVI–XVIII вв. и трансформация пограничных сообществ».

вносил некоторые новые стороны относительно осмысления перспектив своих действий во внешней политике. В частности, возрастала роль южного ее направления, связанного с отношениями с Османской империей и Крымским ханством, тем более, что после захвата войском Донским Азова в этом регионе резко усиливалась нестабильность, поскольку турецкие власти не могли примириться с потерей Азова. Это вызывало также определенную угрозу военного столкновения между Россией и Османской империей, даже несмотря на многолетнюю подготовку России к войне не с Турцией, а с Речью Посполитой за возвращение Смоленска, и, в свою очередь, на вовлеченность Турции в противостояние с Персией и Венецией.

Еще одно обстоятельство определялось тем, что в Москве имели самые серьезные основания далеко не полностью доверять сообщениям, исходившим от войска Донского, поскольку подобные сообщения представляли собой выборочную информацию, соответствовавшую интересам казачества, тогда как русское правительство интересовалось более широкой информацией. В сведениях, которые доставляли в Москву сами донские казаки, не было полного и всестороннего освещения происходивших на Дону событий и других сведений, о которых узнавали в войске Донском. Между тем, русские власти постоянно стремились получить как можно более полную и точную информацию о событиях на Дону и в Азове. Это было необходимо московскому правительству прежде всего для того, чтобы знать, способны ли донские казаки сохранять в своих руках Азов и насколько долгое время Османская империя будет лишена своего форпоста на Нижнем Дону, который нередко служил организующим центром нападений на южную русскую окраину. После взятия казаками Азова выяснилось, что пребывание войска Донского в этом городе давало Москве значительные преимущества. Тем самым, даже при усилении нестабильности ситуации на Нижнем Дону создавалась более спокойная обстановка на всей южной российской окраине, а также возникали более благоприятные возможности для ее укрепления с помощью строительства Белгородской засечной черты, возведение которой началось незадолго до взятия Азова донскими казаками. Среди тех, кто доставлял информацию в Астрахань с Дона, были проживавшие вблизи города татары, в том числе служилые астраханские татары и служилые новокрещены. Этих служилых людей из Астрахани на Дон с целью «проведывания вестей» посылали на довольно короткий срок, обычно на две-три недели. Затем они возвращались в Астрахань и докладывали о результатах своей разведывательной поездки. Такие короткие сроки поездки могут объясняться необходимостью для воеводской власти как можно более быстрого получения сведений о положении на Дону от непосредственных свидетелей. Отмечены при этом случаи, когда посылали тех татар, которые имели своих родственников среди донских казаков. Вместе с тем астраханские воеводы использовали сведения о положении на Дону, которые доставляли не только служилые татары и новокрещены, но и жившие под Астраханью татары, которые не находились на службе. Кроме того, на службе находились татары, принявшие христианство. У них после крещения были русские имена, но в источниках о них при этом прямо говорилось как о новокрещенах, или указывалось на их татарское происхождение. Эти служилые люди также посылались на Дон и давали сведения, интересовавшие астраханских воевод.

В историографии имеются указания на наличие значительного количества татар в войске Донском, на что указывал в специальном исследовании С.В.Черницын (Черницын, 1990, с.73–75). О местном, «региональном» происхождении донских татар обоснованно писал за последнее время О.Ю.Куц. По его мнению, это были не мещерские татары, нередко посылавшиеся на Дон с конца XV в. в качестве гонцов, но татары, предки которых еще в XIV–XV вв. проживали на Дону (Куц, 2009, с.153–172). При этом нередко было так, что в войске Донском казаки-татары сохраняли свои имена и оставались мусульманами. Еще С.М.Соловьев отмечал, что задолго до взятия донскими казаками Азова, в середине XVI в., одним из атаманов донских казаков был назван Сары Азман, тогда как у азовских казаков-татар был атаман с русским именем – Сенька Ложник (Соловьев, 1989, с.672). Имя атамана Сары Азмана довольно ясно указывало на его тюркское происхождение, причем он мог быть турком-османом или татариним. Довольно много казаков происходило от смешанных браков между казаками и тюркоязычными пленницами-ясырками. При этом в историографии по-разному оценивается социальное положение таких пленниц. Так, историк русского права М.Ф.Владимирский-Буданов указывал на то, что они были нередко настоящими рабынями казаков (Владимирский-Буданов, 1915, с.86). Это подтверждается отчасти следственным делом 1631 г. о покупке ясыря у донских казаков людьми посланника воеводы князя И.Борятинского (РГАДА, ф.210, Столбцы Приказного стола, л.236–275). В этом деле отмечены случаи, когда отдельные казаки продавали им даже своих жен и детей. Обычно казаки смешанного происхождения назывались на Дону болдырями, или тумами. О татарском происхождении казака могло также служить

прозвище Татарин. Михаил Татарин был одним из наиболее знатных донских атаманов, был во время взятия Азова войсковым атаманом, и под его предводительством войско Донское взяло в 1637 г. город. В следующем, 1638 г., он возглавлял донскую зимовую станицу, посланную из войска Донского в Москву, и в ходе переговоров в Посольском приказе подчеркивал, что донские казаки способны своими силами взять Азов и не нуждаются в присылке им на помощь русских ратных людей (Донские дела, 1898, стб.702–709). Ко времени пребывания войска Донского в Азове относится случай с татаринем Капштайкой Талбердыевым. В 1638 г. он был захвачен служилыми черкасами из крепости Усерд на Белгородской черте. Они привезли его в Москву в качестве языка. В русской столице в то время находилась донская станица атамана Дениса Парфеньева Поплевова. Казаки сообщили, что этот захваченный в полон татарин является донским казаком, причем, как они указали, его сестра находится на Дону замужем за донским казаком Денисом Можарой. В ходе следствия выяснилось, что К.Талбердыев «переехал из ногаев на Дон» два года назад и служил в рядах донских казаков (РГАДА, ф.210, Столбцы Белгородского стола, л.286–288). Об этом случае донские казаки сообщали как о вполне обычном, широко распространенном в казачьей среде. С.В.Черницын указал на значительное количество известных по источникам случаев, когда донскими казаками оказывались татары, уходившие из внутренних русских городов и уездов на Дон (Черницын, 1990, с.73–75).

Это, очевидно, в известной степени облегчало им возможность добывать необходимые сведения. При этом донские казаки несколько не препятствовали прибывавшим из Астрахани татарам в сборе этих сведений, многое рассказывали им. Жили эти татары, в той числе служилые астраханские татары, непосредственно в донских казачьих городках. Они общались с казаками без всяких ограничений, и имели сведения о положении в Азове от людей, являвшихся непосредственными участниками событий или их свидетелями.

Некоторые из астраханских татар смогли сами побывать в Азове. Весьма интересные сведения, относившиеся осенью 1637 г., давал один из них, служилый татарин А.Тойтюшев. Он, хорошо зная порядок городской и караульной службы, обращал внимание на обстоятельства несения казаками этой службы в городе после того, когда стало ясно, что до весны уже не приходилось ожидать сколько-нибудь значительных турецко-крымских действий против Азова. В своем донесении он подчеркивал, что среди казаков, защитников Азова, резко упала дисциплина. Казаки, как рассказывал в Астрахани Тойтюшев, «живут просто и оплошливо, и пьют безпрестани, и караулов де у них по городу и отъезжих застав ни на какую сторону нет» (РГАДА, ф.127, 1637, № 1, л.127–128). Благодаря этому сообщению становится ясно, как изменились настроения казачества в городе к концу 1637 г. Изменения были очень велики. Если за этот год на протяжении всего времени после взятия Азова казаки все время были в напряжении и ожидали турецкого нападения на крепость, то к концу года и возросла их уверенность в том, что им удалось утвердиться в Азове, по крайней мере, до весны-лета следующего года. В самом деле, сколько-нибудь крупный зимний поход турок под Азов был исключен, и лишь с весны Османская империя смогла бы при организовать посылку своих военных сил против занятой казаками крепости, да и то при наличии целого ряда благоприятных для Турции внутренних и внешних условий.

Между тем, по донесениям в Астрахани служилых татар, в войске Донском среди некоторой части казаков не было полной уверенности в прочности своего положения в Азове. Едисанский татарин Б.Турдуабызов со своими товарищами побывал в конце 1637 г. в Есауловском городке. Он сообщал, что слышал от казаков, будто бы «нынешние зимы незадолго до их з Дону поезду послали станицу ... к Москве ..., чтоб их государь пожаловал, велел в Азов прислати с Москвы воевод и ратных людей, и им бы, казаком, в Азове бес прибыльных людей быть не уметь» (РГАДА, ф.127, 1638, № 1, л.6–7). Сопоставление приведенных двух сообщений служилых татар весьма характерно. По существу, в них представлены две точки зрения, которые сложились среди казаков вскоре после взятия ими Азова по поводу приглашения на Дон царских ратных людей. Прибытие русского войска означало бы прямую военную поддержку казакам в борьбе за Азов, но с неизбежностью ограничивало бы самостоятельность донского казачества и суверенитет войска Донского. Сопоставление между собой двух этих сообщений давало русскому правительству представление о том, что среди донских казаков не было единой точки зрения по поводу прямого привлечения к участию в борьбе за Азов царских ратных людей, при наличии единства взглядов на необходимость для казачества самой активной экономической поддержки из России. Эти сведения были очень важны для московских властей, заинтересованных, чтобы казаки как можно дольше удерживались в Азове, но без непосредственного военного вмешательства России. Опираясь на подобные сведе-

ния, московское правительство в течение всего времени пребывания казаков в Азове всячески добивалось, чтобы войско Донское продолжало удерживать крепость, причем исключительно своими силами, и готово было посылать на Дон царское жалованье в значительно больших размерах, чем делалось это ранее, до азовского взятия. Во всяком случае, за 1638 г. царское жалованье доставлялось на Дон даже два раза, а в составе его были не только деньги, хлебный запас и вино, но также усиленно поставлялось жалованье военного ассортимента. За тот год было послано особенно много зелья (пороха) и свинца. За 1639 г., помимо больших поставок пороха и свинца, было послано, впервые в истории донских отпусков, 350 пушечных ядер и пять пудов фитилей. Все это должно было значительно усилить азовскую казачью артиллерию. В 1640 и в 1641 гг. вследствие значительной опасности донские отпуски были ограничены только денежным жалованьем. Но оно было значительно большим, чем в предыдущие годы. Так, в 1640 г. было послано шесть тысяч рублей, а в 1641 г., накануне Азовского осадного сидения, восемь тысяч рублей (Загоровский, с.143). Таким путем в Москве стремились поддерживать казаков без собственного непосредственного военного участия в борьбе за Азов, и, следовательно, не доводя дело до непосредственной войны с Россией с Османской империей. Большая экономическая помощь оказывалась при отсутствии какой-либо военной и политической поддержки войску Донскому со стороны России. Что же касается степени важности для русских властей сообщений об отношении казаков к присылке русской военной помощи, доставлявшихся в Астрахань татарами, то она, несомненно, была очень значительна. Благодаря ей в Москве могли лучше представлять себе, насколько высока была решимость донских казаков отстаивать Азов и не отдавать его туркам.

Астраханские воеводы стремились использовать информацию о положении в Азове не только со стороны служилых татар, но и со стороны всяких татар, побывавших в Азове во время пребывания там казаков. Так, в 1639 г. ногайский татарин К.Бузулбаев сообщал о прибытии в город большого корабля с шестьюдесятью казаками, которые попали в полон после неудачного сражения лета 1638 г. при Адахунском лимане. О разгроме турками и крымскими татарами во главе с флотоводцем Пияле-агой и ханом Бехадыр Гиреем донского флота в этом лимане при впадении Кубани в Черное море на Дону и в Москве было к тому времени уже хорошо известно. По его рассказу, пленные казаки сумели перебить на турецком торговом корабле, на котором их отправили из Тамани в Темрюк, команду и охрану, и, «подняв паруса, побежали к Азову». В Азове их «приговорили ... взять в войско», а «живот, который в корабле, приговорили отдать тем казакам, которые на корабле прибежали» (РГАДА, ф.127, 1639, № 1, л.91–93). Благодаря этому рассказу астраханские воеводы и московские власти могли узнать одно из значимых событий внутренней жизни войска Донского в Азове. Из него можно было делать совершенно определенный вывод о сохранении у казаков высокого боевого духа, стремления отстаивать город и пополнять ряды его защитников за счет бежавших из турецкого полона казаков.

Особый интерес представляла для московского правительства информация о положении на Дону и в Азове в период Азовского осадного сидения 1641 г. От астраханских служилых татар также поступали в это время ценные сведения. Один из них, конный стрелец новокрещен И.Иванов, успешно действовал в качестве лазутчика в расположении турецко-крымского войска. Им сообщалось, с какой настойчивостью турецкие силы атаквали крепость в первые дни после начала ее осады. Он сообщал о подходе к крепости турецких «прибылых людей с зелейною казною». Эти люди «из своего наряда» «стреляли по Азову семнатцать ден днем и ночью, и достальные три башни збили по зубцы, а городовую стену выбили до подошвы», и что в результате «в редких местах оставалось стены збито по зубцы, а городовую стену выбили до подошвы, а в редких местах оставалось стены збито по зубцы» (РГАДА, ф.127, 1641, № 1, л. 234, 238). Данные, которые приводил Иванов, вполне подтверждаются сведениями повести об Азовском осадном сидении, согласно которым, имело место метание осаждавшими турецкими войсками в город «ядер огненных». Таким образом, наличие в этих двух не связанных между собой источников общих сведений о начале осады турками Азова может служить указанием на достоверность этих сведений. В то же время Иванов сообщал о больших потерях, которые несли турки при осаде города еще до прибытия «прибылых людей», присланных по приказу султана. Он уже в первые дни турецкой осады «слышел, под Азовом побито и померло турецких людей с 18000 человек» (Там же, л.238). Характерно, что эти сведения Иванов не подавал как вполне точные, хорошо понимая, что слухи не могут быть признаны наравне с точными данными. Тем не менее, и эти слухи были важны, поскольку давали представление о том, как казаки воспринимали события, происходившие в ходе турецкой осады Азова. Однако для него как для свидетеля событий не подлежало никакому сомнению, что турец-

кие войска понесли в ходе военных действий под Азовом довольно большие потери. Другой астраханский стрелец, новокрещен К.Петров, сообщал о подробностях подкопной войны казаков при защите Азова. Он рассказывал, что в турецкий подкоп под азовский пригород Топракалов казаки заложили «зелье», «и как де ... пришли турецкие многие люди и казаки, запала в подкопе зелье, и турецких людей тем подкопом побили тысячи с три и больши» (Там же, л.260).

К середине августа 1641 г. казаки, защищавшие Азов, чувствовали себя уже значительно более уверенно и безусловно надеялись отстоять город. Сведения об этом сообщал в Астрахани едиганский татарин М.Самаров, который с несколькими своими «товарищами» побывал в это время в городке Курман Яр. По его словам, «в казачьи в верхние городки», среди которых был Курман Яр, приезжало несколько «азовских казаков», непосредственно участвовавших в защите города. Прибывшие из Азова казаки говорили местным казакам, проживавшим в отдельных городках, чтобы они «приезжали к ним в Азов для славы хотя небольшие люди». По этому призыву, рассказывал Самаров, «собралось донских казаков человек з двести и больши, и стругами Доном прошли ночью в Азов» (Там же, л.104). Свидетельство Самарова дает представление о том, что к середине августа для казаков, осажденных в Азове, стал возможен выезд из города, а также пополнение рядов защитников города за счет казаков, прибывавших из других донских казачьих городков. Следовательно, осаждавшие город турки так и не смогли через несколько месяцев неудачной осады, после больших усилий и потерь, обеспечивать не только взятие, но даже полную блокаду осажденного города. В этом сообщении содержится дополнительное свидетельство тому, что защиту Азова казаки рассматривали как дело, приумножавшее их боевую славу, и, по-видимому, уже даже как свою победу в борьбе со значительно превосходившими силами турок.

26 сентября 1641 г. турецкое войско сняло осаду и ушло из-под Азова, причем потери турок были очень велики. Некоторые сведения, уточнявшие степень этих потерь и дававших наглядное основание считать их и в самом деле большими, давал астраханский стрелец, новокрещен К.Федоров. Он обратил внимание на то, что из семисот человек, прибывших к Азову на одной из турецких каторг, «в живых остался лишь один человек раненой, а то все побиты». В двух днищах пути от Азова, на крымской стороне Азовского моря, он видел при отступлении турок от Азова «пять каторг пустых без людей, лишь в них только раненых и мертвых тридцать три человека» (Там же, л.212).

Разведывательные сведения, доставлявшиеся астраханским воеводам служилыми татарами за период пребывания Войска Донского в Азове, позволяли русским властям получать ценную информацию и более полную общую картину событий того времени. Она была важна для них за весь период пребывания донских казаков в Азове и способствовала более точной выработке решений, относившихся к политике по отношению к Войску Донскому в период борьбы казаков за Азов. Она, кроме того, возможно, учитывалась ими при принятии решения о созыве в 1642 г. земского собора по вопросу о принятии Россией Азова от донских казаков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляков А.В. Чингизиды в России XV–XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань: Рязань Мир, 2011.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Пг.-Киев, 1915.
3. Донские дела. Кн.1 // Русская историческая библиотека. СПб., 1898. Т.18.
4. Загорский В.П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке // Из истории Воронежского края. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1961. С.131–147.
5. Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С.Разина (1637–1667). СПб.: Дмитрий Буланин, 2009.
6. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск: Русич, 2003.
7. РГАДА. Ф.127. 1637. № 1.
8. РГАДА. Ф.127. 1638. № 1.
9. РГАДА. Ф.127. 1641. № 1.
10. РГАДА. Ф.210. Столбцы Белгородского стола. № 98.
11. РГАДА. Ф.210. Столбцы Приказного стола. № 54.
12. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн.3 // Соловьев С.М. Сочинения в 18-ти кн. М.: Мысль, 1989. Кн.3.
13. Черницын С.В. Некоторые аспекты этнических процессов в войске Донском XVII в. (на примере тюркоязычных переселенцев) // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1990. С.72–82.

Н.А. Мининков

XVII ГАСЫРНЫҢ УТЫЗЫНЧЫ ЕЛЛАРЫНДА – КЫРЫГЫНЧЫ ЕЛЛАР БАШЫНДА ЙОМЫШЛЫ ТАТАРЛАР ҺӘМ ӘСТЕРХАН ВОЕВОДАЛАРЫНЫҢ РАЗВЕДКАСЫ

Әстерханда йомышлыларның бер өлешен татарлар һәм яңа чуқынганнар тәшкил иткән. Алар шәһәрдә хезмәт иткәннәр һәм Әстерхан воеводаларының төрле йомышларын үтәгәннәр. Жирле воеводаларның иң мөһим бурычларының берсе Мәскәүгә хәбәрләр жибәрәп тору булган. Рус хөкүмәте, дон казаклары 1637 елда Азауны алгач, Дон елгасы буендагы хәлләр белән кызыксынган. Мәгълүмат жыю өчен Дон буена татарлар һәм яңа чуқынган йомышлыларны жибәргәннәр. Алар дон казакларының шәһәрләрендә, еш кына үзләренең туганнарында, яшәгәннәр һәм Әстерханга Дон буендагы һәм Азаудагы хәлләр турында яңалыклар алып кайтканнар. Дон казакларының Азаудагы тормышы, шәһәрдәге тәртипләр, казакларның шәһәрне төрекләрдән саклау нияте, шулай ук бер өлеш казакларның рус гаскәрләрен ярдәмгә чакырырга теләве хакында сөйләгәннәр. Алар төрекләрнең 1641 елда Азауны саклаган вакытта зур югалтуларга дучар булулары хакында хәбәр иткәннәр. Бу мәгълүматлар рус хөкүмәтенә Дон казаклары Азауда вакытта Дон буйларындагы хәлләрне яхшырак аңларга ярдәм иткән.

Ачыкч сүзләр: әстерхан татарлары һәм воеводалары, хәбәрләр, дон казаклары, Азауны саклау.

N.A. Mininkov

SLUZHILY TATARS AND INVESTIGATION OF THE ASTRAKHAN VOIVODES IN ASOV OF THE END THE 30th – THE BEGINNING OF THE 40th OF CENTURY

The part of the sluzhilykh people in Astrakhan was made by Tatars and novokreshchens. They served in the city and carried out different orders of the Astrakhan voivodes. Delivery of messages to Moscow was one of important tasks of local voivodes. The Russian government especially was interested in situation on Don after a capture by the Don Cossacks of Azov in 1637. For clarification of data to Don sent the sluzhilykh of people from Tatars and novokreshchens. They lived in towns of the Don Cossacks, is frequent at the relatives, Tatar Cossacks, and came back to Astrakhan with news of situation on Don and in Azov. Sluzhily Tatars and novokreshchens reported data, important for the Russian authorities. They told about stay of the Don Cossacks in Azov and about orders in the city, about determination to defend their city from Turks, and also about desire of part of Cossacks to invite to the help the Russian troops. They reported about big losses of Turks during defense of Azov by Cossacks in 1641. These data helped the Russian government to understand better situation on Don during stay of army of Donskoy in Azov.

Keywords: Astrakhan Tatars, voivodes, messages, Don Cossacks, defense of Azov.

Сведения об авторе:

Мининков Николай Александрович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой специальных исторических дисциплин и документоведения, Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону); E-mail: mininkov@aanet.ru

Мининков Николай Александр улы – тарих фәннәре докторы, махсус тарих дисциплиналары и документлар алып бару кафедрасы мөдире, Көнъяк федераль университеты (Ростов-на-Дону шәһәре).

Mininkov Nikolay Aleksandrovich – doctor of historical sciences, head of the department of the document science and special historical disciplines, South federal university (Rostov-on-Don).